

Е. А. Андрущенко (Харьков)

УДК 821.161.1 - 3 МЕРЕЖКОВСКИЙ 09

“ВНЕ СВОЕЙ ОСНОВНОЙ ТЕМЫ ... НЕ ЗАХОТЕЛ СУЩЕСТВОВАТЬ”: ЗАМЕТКИ К БУДУЩЕЙ БИОГРАФИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Реферат. В статье обобщаются некоторые материалы к будущей биографии Д. С. Мережковского. Предлагается концепция, согласно которой писатель сознательно создавал свою биографию, подчёркивая встречи с известными писателями. Его житнетворческая стратегия предполагала утверждение мысли о том, что он является прямым наследником писателей-классиков. Вместе с тем, для создания его научной биографии не менее важными могут быть материалы, которые свидетельствуют о его подлинной жизни, пристрастиях, волнениях, предпочтениях, своеобразно отразившихся в его произведениях.

Ключевые слова: автобиография, житнетворчество, искания, научная биография, религиозный пол.

Творчество Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1945) сегодня хорошо известно читателям. Переизданы его романы, вышло несколько собраний его стихотворений, опубликованы пьесы, переизданы почти все статьи. Но материалы для его научной биографии только собираются. Как известно, современники чаще всего отзывались о Мережковском недоброжелательно, отношение к нему как к человеку зачастую переносилось и на его произведения. В многочисленных воспоминаниях о нём сохранились настолько нелицеприятные отклики, что Ю. Терапиано был вынужден признать: «Если бы я лично не встречался с ним на протяжении многих лет,

если бы все участники „воскресений” не имели возможности из года в год наблюдать Мережковского и беседовать с ним о том, что для него представлялось самым важным, о том, чем он сам жил духовно – то у всех нас, по этим воспоминаниям, создалось бы совсем неверное и неправильное представление о Мережковском-человеке. Вне своей основной темы – царство Духа и эсхатология – Мережковский и сам бы не захотел существовать, как писатель» [17, с. 32]. Вероятно, создание биографии этого оригинального писателя – дело будущего. Однако и сегодня есть возможность судить о том, как свойства его личности сказались в его творчестве, тем более, что он и сам говорил: “... По книгам меня можно узнать *отчасти*” [12, с. 180].

В октябре 1907 г. Мережковский писал М. Л. Гофману: ... Я не верю в прижизненные биографии. Что же касается до автобиографии, – то лучшая из них – сами произведения писателя. Как лица своего, так и жизни своей никто не знает. Говорить о внешнем – скучно, – а внутреннего передать невозможно: тут всегда наталкиваешься на две тайны, которые нельзя раскрыть – пол и религия. Но неодолимый стыд мешает человеку говорить от первого лица о своем поле и о своей религии, – да и зачем говорить, когда вся его жизнь только раскрытие этих двух тайн. Как я любил и как я верил, не могу сказать, а в этом вся жизнь моя. Ваша просьба автобиографии есть просьба или показать мои старые одежды, из которых я вырос и которые суть никому не любопытный хлам, или раздеться и выйти нагишом на улицу. Ни того, ни другого я сделать не могу и не хочу ...” [10, с. 33].

Однако вскоре была опубликована «Автобиографическая заметка» – биография Мережковского, составленная им самим. В неё вошло то “внешнее”, о котором ещё несколько лет назад Мережковскому было “скучно говорить”. Его “внешняя” автобиография была составлена так, чтобы представить процесс его становления как поступательное движение, освящённое великими предшественниками. От читателя была скрыта биография “внутренняя”, потаённая, две самые важные “тайны”, “которые нельзя раскрыть”. Собственное жизнеописание, являющееся продуктом его “жизнетворчества”, пересоздания реальной жизни Мережковский строит

на перечислении знаменательных встреч, определивших его дальнейшую литературную судьбу. Сам он вероятно, был убеждён в своём великом предназначении, но без подтверждения, которыми могли бы стать слова великих, их поддержка, он не чувствовал себя вполне уверенным. Наиболее знаменательная эпоха русской литературы была позади, и потому свое жизнеописание он начинает встречей с человеком, как бы передавшим ему эстафету – с Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой. Он писал, что “имел счастье целовать руку, которую полвека назад целовал Пушкин” [7, с. 111].

В 1880 г. состоялась его встреча с Достоевским, когда юный поэт, “краснея, бледнея и заикаясь”, читал “свои детские жалкие стишонки”. Достоевский “слушал молча, с нетерпеливою досадою. Мы ему, должно быть, помешали. «Слабо ... плохо ... никуда не годится, – сказал он наконец, – чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать!» – „Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает!” – возразил отец. Помню прозрачный и пронзительный взор бледно-голубых глаз, когда Достоевский на прощанье пожимал мне руку. Я его больше не видел и потом вскоре узнал, что он умер. Тогда же познакомился я с С. Я. Надсоном, юнкером Павловского военного училища, и полюбил его как брата. Он был уже болен наследственной чахоткой. Постоянно говорил о смерти. Мы много спорили с ним о религии. Он отрицал, я утверждал. Надсон познакомил меня с А. Н. Плещеевым, секретарем “Отечественных записок”. Помню мелькающие в дверях соседней комнаты худые, острые плечи, зябко укутанные пледом, похожим на старушечий платок, хриплый, надорванный кашель и неистово рычащий голос М. Е. Салтыкова» [7, с. 111]. Так выстраивался ряд выдающихся людей, среди которых Мережковский рисовал и себя.

В литературе неоднократно высказывались сомнения в том, что встречи молодого поэта были так разнообразны. И если факт знакомства Мережковского с Плещеевым подтверждается рядом воспоминаний, то о его дружбе с Надсоном или о том, что Достоевский “благословил его на литературную деятельность” [14, с. 161] до сих пор ведутся споры.

“Разоблачение” началось ещё в 1888 г., когда Н. С. Лесков привел рассказ, очевидно, Д. В. Григоровича о посещении

Мережковскими Достоевского: «„Вы пишете пустяки. Чтобы быть литератором, надо прежде страдать, быть готовым на страдания и уметь страдать”, – передавал он слова писателя. – Тогда тайн<ый> сов<етник> ответил: „Если это так, то лучше не быть литератором и не страдать”. Достоевский выгнал вон и отца и сына». М. Д. Эльзон, введший эту публикацию в современный научный оборот, удивлялся, что диалог с Достоевским Мережковский с такой точностью воспроизвёл более, чем через тридцать лет, но не мог вспомнить ни одной фразы из разговоров с Надсоном. Но сомневаться в их знакомстве не приходится. Сохранились нежные письма к Надсону, в которых Мережковский называет его “милым другом” и “милым подпоручиком-трубадуром” [11].

Следующей знаменательной вехой Мережковский считал знакомство с Толстым в 1904 г. «Толстой принял нас очень ласково, – вспоминал он. – Мы ночевали у него и много беседовали о религиозных вопросах ... На прощанье, оставшись со мной наедине, сказал, глядя мне прямо в глаза своими добрыми и немного страшными, маленькими, медвежьими, “лесными” глазками, напоминавшими дядю Ерошку: “А мне говорили, что вы меня не любите. Очень рад, что это не так ...”» [7, с. 112]. Об этой поездке вспоминала и Гиппиус: «Л. Толстой, оказывается, читал все, – не только о себе, но вообще все, что тогда писалось и печаталось ... Знал и книгу Д. С. “Л. Толстой и Достоевский”» [3, с. 240]. Однако современники говорят об этом посещении иначе.

«Шестов, уже в эмиграции, рассказывал: “Был я в Ясной Поляне [2.Ш.1910] и спрашиваю Льва Николаевича: что вы думаете о книге Мережковского? – О какой книге Мережковского? – О Вас и о Достоевском. – Не знаю, не читал. Разве есть такая книга? – Как, Вы не прочли книги Мережковского? – Не знаю, право, может быть и читал, разное пишут, всего не запомнишь”. Толстой не притворялся”, – убедительно добавлял Шестов. Вернувшись в Петербург, он доставил себе удовольствие: при первой же встрече рассказал Мережковскому о глубоком впечатлении, произведенном его книгой на Толстого» [1, с. 108]. Сам Толстой незадолго до смерти отвечал студенту, назвавшему эту книгу “обвинительным актом”:

“Мережковского не читал, и судя по тем выпискам, которые вы делаете, читать, а тем менее оправдываться не нахожу нужным” [15, с. 36–37].

О знаменательных встречах своей жизни Мережковский вспоминал и в эмиграции, уже пожилым человеком. «Заговорили о Тургеневе. Мережковский тут же отозвался: “Он не заглядывал в душу людей, как Достоевский и Толстой. Он заглядывал в душу природы, и ее красота примиряла его с жизнью ...”».

– Дмитрий Сергеевич, где-то я читал, что вы бывали в гостях у Ивана Сергеевича Тургенева? – с легкой иронией спросил Бунин ...

– Да, а что такого? Он меня очень ласково принял. Мы подружались, – с неудовольствием произнес Мережковский и поторопился перейти на другую тему.

Мережковский сознательно говорил о своей близости с „великими”. Об этом, в частности, писал 16 ноября 1947 г. Бунин знакомому литературоведу: „... На счет Мережковского, Тургенева и Боборыкина действительно нечто удивительное: как это Мережковский мог быть у Тургенева в присутствии Боборыкина? Когда? Где? Сколько лет было тогда Мережковскому? Все это Мережковский соврал ...” [6, с. 105]. Мнение Бунина трудно оспаривать. Действительно, когда в 1884 г. Мережковский, только что окончивший классическую гимназию и поступивший в Петербургский университет отправился с семьей музыканта Давыдова в поездку по Швейцарии и Франции, Тургенева уже не было на свете.

В эмиграции Мережковский работал очень плодотворно и много публиковался. Во второй половине 30-х гг. в Италии он писал книгу о Данте и, чтобы напечатать её, решил сделать к ней предисловие на итальянском языке и посвящение Муссолини. Он вёл переговоры о свидании с диктатором и надеялся добиться финансирования фильма по сценарию «Данте». Вот как этот сюжет передает С. Волков в разговорах с Иосифом Бродским: «Волков: “Мережковский как-то рассказывал о своей встрече с Муссолини так: „Как только я увидел его в огромном кабинете у письменного стола, я громко обратился к нему словами из „Фауста”: „Кто ты такой?...”” А Муссолини в ответ: „Пиано, пиано, пиано”. Бродский: Пиано, пиано ... Да,

все они хороши. Знаете, человек смотрит на себя – вольно или невольно – как на героя какого-то романа или кинофильма, где он – в кадре» [2, с. 211]. Мережковский тоже видел себя героем произведения, адресованного новым поколениям, ощущал себя, по словам Ю. Терапиано, “предтечей грядущего царства Духа и его главным идеологом”. Великие мира сего “должны были нуждаться в нем, а не он в них, <...> должны были исполнять свою миссию, а Мережковский – давать директивы” [16, с. 31]. Но великие не признавали за ним этого права, и тогда на свет появлялись истории о близости с ними, о продолжении начатого ими священного дела, истории, зафиксированные в автобиографиях Мережковского.

Это “внешнее” заслоняло собой подлинную биографию Мережковского, в которой содержится “вся жизнь” – как он “любил и как верил”. И хотя С. А. Макашин говорит, что “мы историки литературы, а не врачи”, именно врач, А. П. Чехов, едва ли не первым заговорил с Мережковским о его любви и вере. “Мы едем с Чеховым по Литейной, мимо Мариинской больницы, – вспоминал Мережковский. – Он говорит о женитьбе. Как всегда, полунасмешливо жалуется, что не знает, на какой женщине жениться и жениться ли. Опять мы друг друга не понимаем. Я доказываю, что это лично и что общего решения этих вопросов нет, а он гнет в свою сторону. По-моему, – говорит, – надо, чтобы жена была прежде всего женщина, и главным образом – женщина настоящая. Тогда возможен хороший, нормальный брак и семья”. А юному поэту, который ухаживал за “молоденькой декаденткой”, “заботливо” советовал: “Голубчик ... Женитесь вы на нормальной женщине” [8, с. 250]. Хорошо известно, чем это кончилось. “Мы были люди разных мечтаний”, – подвел Мережковский итог своему знакомству с Чеховым, и всю свою ярость за то, что его “раздели и выставили нагишом на улицу”, обрушил на Суворина (см. статью «Суворин и Чехов», 1914).

Современному исследователю доступны разнообразные материалы, которые могут стать основой научной биографии Мережковского. Среди них важное место занимают письма. Они дают возможность не только понять истинные мотивы его поступков, неудачи в отношениях с современниками, но и

объяснить своеобразие его творчества: холодность и вялость поэзии, сухость и интеллектуальность его прозы, углубляющиеся к концу жизни религиозные поиски.

Как справедливо говорит Б. Паромонов, все религиозные искания связаны с вопросами пола, и эта тема не может быть обойдена в размышлениях о Мережковском. Конечно, полноценное изучение его “скрытой” биографии – дело будущего; она, по словам М. Золотоносова, даже “гораздо интереснее его творчества”: “Вот тут бы и внедриться в этот искусственный, глубоко лицемерный, но и очень колоритный образ”, – восклицает он [4, с. 26]. Но об одном из сюжетов можно говорить уже и сегодня. Речь идёт об отношениях Мережковского с Надсоном, не зафиксированным в автобиографиях.

С Надсоном в жизни Мережковского связана целая полоса мучительных сомнений и терзаний. В течение 1883 – 1884 гг. он отправляет ему множество писем и записок, посвящает своего друга в переживания, которые не дают ему покоя. “Вы самостоятельны, Вам открыты все поприща борьбы с пороком, Вы не связаны, как я, по рукам и ногам, Вы можете каждую минуту встретить женщину, которую полюбите глубокой, целительной любовью, – и тогда Вы спасены ... И тогда-то, – казалось мне, – Вы должны забыть наивного мальчика, протянувшего Вам слабую руку, Вы вправе даже его забыть” [11, л. 2-об]. Надсон, очевидно, мальчика не забыл, потому что вскоре тот сообщал: “В настоящую минуту мне невозможно бороться с пороком. Не то, чтобы сил не хватило. Но они скованы самым по-видимому, ничтожным, на самом деле неожиданным препятствием. Когда я спросил совета у товарища, тот обещал все устроить. Но ничего не устроил, потому что нельзя ...” [11, л. 3].

Через год эта тема получила своё развитие: “Здесь, на южном берегу Крыма, в виду невыразимо прекрасного моря, величественных гор, восхитительного неба, вечно зеленых кипарисов и лавров, <...> стосковался по Вашей крохотной комнатке в гнилом, грязном, пошлом Петербурге”. Мережковский сообщал, что принял, наконец, “вполне сложившиеся решения относительно своего будущего. Во-первых, во чтобы то ни стало, ценой каких угодно жертв я должен осво-

бодиться от моего физического недуга и при том немедленно по приезде в Петербург <...> Я бы мог, пожалуй, и здесь со всем этим покончить. Но для этого мне необходим *Ваш совет и напутствие*, только с Вашей помощью и Вашим утешением я могу произвести эту мучительную операцию над совестью”. Второе решение, принятое Мережковским, было таким: «Всю свою жизнь (если только буду жить), все свои силы (если таковые найдутся) я посвящу литературе (хотел бы, но не смог сказать „поэзии”»)» [11, л. 21].

Борьба с “недугом”, как это называл Мережковский, очевидно решила в пользу недуга, потому что через десять лет он напишет В. Розанову: “Я все последнее время думал об этом странными, темными мыслями – точно за меня во мне кто-то думал. И всегда я вместе с тем думал о Вас и стыдился, и боялся, и хотел Вас. И вот Вы так странно ненужно пришли, потому что именно теперь Вы такой, как для всех, были мне не нужны. И вдруг оказалось, что и Вы об этом же думали, и как необыкновенно неожиданно Вы это сказали ... Я в это мгновение чувствую, как Он силен и близок. Нет, мы от Него никуда не спрячемся. Рано или поздно Он поведет нас всех. Мне все кажется, что до сих пор и З. Н. и Вы со мною, и Он среди нас. И будут еще великие чудеса. И будет все, чего мы хотим” [10, с. 27].

Как известно, “великие чудеса” осуществились у Мережковских с Д. В. Философовым, несмотря на настоятельные рекомендации доктора Чехова, “чтоб жена была прежде всего женщина, и главным образом – женщина настоящая” [8, с. 250]. Однако широко известная “центрированность на образе матери” и “генеральная неудача с женщинами” уже породили “тезис супругов Мережковских о пошлости брачной половой связи” [4, с. 26]. И страсти, терзавшие молодого поэта, которые он поверял сначала своему другу юнкеру, а позднее – “русскому Ницше”, Розанову, сублимировались в невероятное “желание славы как любви”, отразившееся, кстати, и в автобиографиях, в его стремлении быть причастным к славе, окружающей великих. С этим же связаны и “напряженные и вечные поиски Его, пролагание пути к Нему, непрестанные попытки самовозбудиться на почве религиозного экстаза” [4, с. 26], которым проникнуты многие страницы его произведений и, осо-

бенно, книги, написанные в эмиграции. Отсюда, скорее всего, и та “радикально-интеллигентская муть”, о которой в «Эссе о русской культуре» писал Владимир Ильин [5, с. 304], участие в политической жизни, революционные настроения, сотрудничество с Савинковым, Пилсудским ...

“Поэт ненавистен, а человек еще ненавистнее. И причина ненависти к его поэзии именно здесь, в его человеческой личности” [9, с. 434]. Эти слова Мережковский сказал в статье о Некрасове, но они в полной мере могут быть отнесены и к нему самому. Он как бы заново открывал Некрасова лирического поэта, по-новому прочёл и его гражданскую поэзию. Но главное, – ему как будто открылась тайна Некрасова-человека. Это было одним из любимых его занятий, стало чертой метода критика. Он заглядывал туда, где варились щи и считались деньги, где женились и расходились, изменяли и умирали, кутили и получали наследство, сплетничали и ссорились именитые и великие. Потом он сделал это по отношению к только что умершим и ещё живущим с ним в одном городе, бывающим с ним в одних редакциях и салонах. А вот тайну собственной жизни хранил свято.

В воспоминаниях о нём чаще всего встречается слово “одинокий”. Так характеризовала его З. Н. Гиппиус, жена, друг и единомышленник писателя. «“Он, в сущности, был совершенно одинок ...”, – писала она в книге “Дмитрий Мережковский”». Так через много лет говорил священник о. Мень в своей лекции: “Эта долгая жизнь была тяжелой, потому что он был одиноким ...”. Так к столетию со дня рождения писателя написал о Мережковских Б. Зайцев: “Одинокое жили, одиноко и ушли”. Применительно к известному писателю, во многом определившему облик эпохи, произведения которого ещё при жизни переводились на многие иностранные языки, номинанту на Нобелевскую премию по литературе это звучит странно. Он находился в окружении множества людей, посещал литературные салоны и вечера, выступал с лекциями, стал одним из основателей Религиозно-философских собраний, встречался едва ли не со всеми знаменитыми людьми своего времени.

«У него не было ни одного “друга”. Вот как бывает у многих, нашедших себе друга в университете, сохраняющих отношения и после. Иногда – реже – сохраняется даже гим-

назическая дружба. Но у Д. С. никакого “друга” никогда не было. Множество дружеских отношений и знакомств, но я не говорю об этом ...» [3, с. 185]. Тяготило ли это его? Если верить его поэтическим декларациям, произведениям разных лет, – нет. Его лирический герой одновременно утверждает одиночество как данное, стихи иногда прямо так и названы («Одиночество», «Одиночество в любви»): «Мы бесконечно одиноки ...». “О, темный ангел одиночества, / Ты веешь вновь ...” [13, с. 521]. “Мы все – одни, всегда – одни: / Я жил один, один умру ...” [13, с. 523], и вместе с тем, оправдывает, приветствует его: “Есть радость в том, чтоб вечно быть изгнанником, / И, как волна морей, / Как туча в небе, одиноким странником / И не иметь друзей ...”; “Я чужой среди них; сердцу ближе друзей – / Звезды, небо, холодная даль ...” [13, с. 525].

Во многом это объясняется влиянием литературной традиции. Но не только ею. Мережковский был одинок в своей теме, в непрерывных поисках будущего Царства Трёх. Не найдя собеседников при жизни, он обращался к будущим читателям в надежде, что сможет найти единомышленников среди читателей новых поколений, которые через десятилетия услышат его голос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников / Н. Баранова-Шестова. – Paris: La Press Libre, 1983. – Т. 1. – 359 с.
2. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. Италия и другие путешествия: зима 1979 – зима 1992 гг. / С. Волков. – М.: Эксмо, 1998. – 448 с.
3. Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский / З. Н. Гиппиус. Живые лица: в 2-х тт. – Т. 2. – Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 164–351.
4. Золотоносов М. Дмитрий Сергеевич, «шестой пальчик» / М. Золотоносов // Культура. – 2001. – № 23. – С. 26.
5. Ильин В. Эссе о русской культуре / В. Ильин. – СПб.: Акрополь, 1997. – 466 с.
6. Лавров В. Холодная очень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). Роман-хроника / В. Лавров. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 382 с.
7. Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка / Д. С. Мережковский. Полн. собр. соч.: В 24-ти тт. Т. 24. – Пг.: И. Д. Сытин, 1914. – С. 105–119.

8. Мережковский Д. С. Брат человеческий / Д. С. Мережковский. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи / Авт. послеслов. и ком. С. Н. Поварцов – М.: Книжная палата, 1991. – С. 247–252.
9. Мережковский Д. С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев / Д. С. Мережковский. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет / Сост. Е. Данилова. – М.: Сов. пис., 1991. – С. 416–482.
10. Мережковский Д. С. Записные книжки и письма / Д. С. Мережковский // Русская речь / Публикация Е. Андрущенко, Л. Фризмана. – 1993. – № 5. – С. 25–40.
11. Мережковский Д. С. Письма его (11) Надсону С. Я. // Автограф. ИРЛИ. Ф. 402, оп. 4. ед. хр. № 63. 25 лл.
12. Мережковский Д. С. Письмо О. Л. Костецкой от 5 июня 1916 г. / Д. С. Мережковский // Лица. Биографический альманах. – М.; СПб.: Феникс: Ahteneum, 1992. – С. 170–184.
13. Мережковский Д. С. Стихотворения / Д. С. Мережковский. Собр. соч. в 4-х т. / Сост. и общ. ред. О. Н. Михайлова. – Т. 4. – С. 521–656.
14. Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову / Публ., вст. зам. и прим. М. Толмачев и Ж. Шерон // Звезда. – 1995. – № 7. – С. 158–169.
15. Письмо студента Л. Н. Толстому // Толстой и о Толстом. Новые материалы. – М., 1924. – С. 36–37.
16. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): эссе, воспоминания, статьи / Сост. Рэне Гера и Александр Глэзер, авт. послеслов. Рэне Герра. – Париж – Нью-Йорк: Альбатрос – Третья волна, 1987. – 352 с.
17. Терапиано Ю. Д. С. Мережковский / Ю. К. Терапиано. Встречи: 1926–1971 / Вст. ст., сост., подг. текста, ком., указатели Т. Г. Юрченко. – М.: Intrada, 2002. – 384 с. (ИНИОН РАН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения).

Андрущенко О. А.

“ПОЗА СВОЄЇ ОСНОВНОЇ ТЕМИ ... НЕ СХОТІВ ІС- НУВАТИ”: НОТАТКИ ДО МАЙБУТНЬОЇ БІОГРАФІЇ Д. С. МЕРЕЖКОВСЬКОГО

У статті узагальнюються деякі матеріали до майбутньої біографії Д. С. Мережковського. Пропонується концепція, згідно з якою письменник свідомо вибудовував власну біографію, підкреслюючи зустрічі з відомими письменниками. Його життєворча стратегія передбачала ствердження думки про те, що він є прямим спадкоємцем письменників-класиків. Втім, для створення його наукової біографії не менш важливими є матеріали, які свідчать про його справжнє життя, пристрасті, хвилювання, уподобання, які своєрідно відгукнулися і в його творах. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016 с. 12–23).

Ключові слова: автобіографія, творення життя, шукання, наукова біографія, релігійна стаття.

Andruschenko E. A.

“BEYOND HIS MAIN SUBJECT ... WOULD HIMSELF NOT WANT TO EXIST ...”: NOTES FOR A FUTURE BIOGRAPHY OF D. S. MEREZHKOVSKY

The article summarizes some materials for D. S. Merezhkovsky's future biography. A concept is proposed, claiming that the writer has consciously shaped his own biography by emphasizing meetings with famous writers. His life-defining strategy included an assertion that he was a direct successor of classical writers. Still, his scientific biography stands in equal need of materials that bear witness to his actual life, passions, concerns, preferences, which have also found a peculiar reflection in his works. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 12–23).

Keywords: autobiography, gender, life-creation, religious musings, scientific biography.